

Когда госпожа Цуй-Дун подала жалобу самому императору, обвинив Управу Кайфэна в сокрытии смерти чиновника и попытке избавиться от свидетелей, Чжао Цзи сразу почуял неладное. Пахло заговором, причем весьма скверным.

Шестой чиновничий ранг... В провинции такой человек считался бы важной птицей, вершителем судеб. Но в Кайфэне, где брось кирпич — обязательно попадешь в какого-нибудь благородного князя, чиновников шестого ранга пруд пруди. Пустое место, не более.

К тому же, когда Чжао Цзи ранее жаловал Цуй Мину награду, он учел его прежний опыт. Ему хотелось и ранг человеку повысить, и избавить от необходимости переучиваться с нуля. Так Цуй Мин стал великим мужем Чэнъянь — должностью шестого ранга, которая после реформы медицинского ведомства соответствовала смотрителю оружейных складов. Проще говоря, он заведовал арсеналом: принимал имущество, вел учет и составлял отчеты. Если Министерство общественных работ или Министерство армии создавали новое оружие и одобряли его после испытаний, именно великий муж Чэнъянь вносил новинку в реестр.

Если совсем по-простому — обычный штабной писарь при складе боеприпасов.

Стоило ли ради устранения заурядного кладовщика подкупать целую цепочку ключевых столичных чиновников? Чтобы замять такое дело наглухо, мало купить одного Хэ Цивэя. Пришлось бы как-то договариваться и с Чжао Цянем, чья подпись венчает итоговый документ. А Хэ Цивэй никак не мог приказывать Чжао Цяню, Правителю Кайфэна. Выходит, хоть Хэ и сыграл здесь ключевую роль, истинным кукловодом он быть не мог. За их спинами явно маячила чья-то зловещая тень.

Но стоила ли овчинка выделки? Чжао Цзи невольно задумался. Да в Управе Кайфэна любой писец полезнее Цуй Мина, у которого и власти-то никакой не было. Разумный человек никогда не станет жертвовать целой сетью тайных агентов и связей в Управе Кайфэна ради заштатного смотрителя. Ни сам Цуй Мин, ни его скромный пост не заслуживали подобного риска.

«Тут кроется какой-то грандиозный заговор», — к этой мысли Чжао Цзи возвращался вновь и вновь.

Перед тем как допросить Хэ Цивэя, император мысленно перебирал худшие сценарии: «Что делать, если этот негодяй упрется рогом?» или «Что, если он сознается, но наотрез откажется назвать имя своего покровителя?». Он подготовился ко всему, но реальность оказалась куда нелепее любых фантазий. Хэ Цивэй даже не думал заператься — он пребывал в полнейшем недоумении! На протяжении всего допроса на его лице читалась искренняя, глупая растерянность.

— Я ничего не знаю! — вопил он. — Разве такое было? Вассал впервые об этом слышит! Пощадите, государь, я невиновен!

Чиновник причитал так истошно, что, не будь он столь напуган, точно попытался бы расшибить лоб о колонну, лишь бы доказать свою честность.

Его страх выглядел настоящим. Но ведь и госпожа Цуй-Дун лгать не могла. Каждое слово женщины легко подтверждалось фактами. И то, как её избили и выбросили за ворота Управы Кайфэна, и её поиски свекрови, и, наконец, внезапный пожар в доме. На своем пути она встретила слишком много людей; при желании пол-Кайфэна могло засвидетельствовать те или иные детали её злоключений.

Но теперь, когда среди обычных конвоиров обнаружились затаившиеся мастера боевых искусств, в его голове зародилась безумная догадка. Что, если и Хэ Цивэй, и госпожа Цуй-Дун говорят чистую правду?

Однако стоило этой мысли дать первые всходы, как её безжалостно растоптали слова Ван Шэня.

Оказывается, Чжао Цянь только что прибыл во дворец и направился напрямиком в Центральный секретариат.

Прелестно. Просто замечательно.

И что же ему понадобилось в Секретариате в столь щекотливый момент? Сунь Укун побежал за подмогой? Неужели этот братец решил позвать старших, чтобы они проучили императора, точно какого-нибудь лесного беса?

— Ты знаешь, к кому именно пошел Чжао Цянь? — спросил Чжао Цзи.

— Полагаю, к господину Ханю, — ответил Ван Шэнь.

Лицо императора осталось бесстрастным. Значит, побежал жаловаться дядюшке.

Чжао Цзи не спешил решать, притворяется Хэ Цивэй или нет — этот вопрос мог подождать. Сперва стоило вызвать Чжао Цяня и посмотреть, чего он успел добиться своей беготней.

Приняв решение, император велел стоявшему рядом евнуху:

— Ступай в Секретариат. Приведи сюда благородного князя и господина Хань Чжуняня.

Повеление прозвучало, но слуга даже не шелохнулся.

Чжао Цзи нахмурился, повернувшись к евнуху с немым вопросом: «Ты что, оглох, приятель?».

Оказалось, рядом стоял вовсе не верный Сяо Тунцзи, чьей расторопностью император всегда был доволен, а тот самый малый, что давеча пытался заслонить его собой. Тот самый, который

провалил спасение, сам оказался спасен, а после первым рухнул на колени, изливая паточную лесть и едва ли не пытаясь облобызать императорские сапоги. Чжао Цзи сверлил его тяжелым взглядом, но евнух лишь глупо, замороженно улыбался в ответ.

— Слушаюсь, — не выдержал другой слуга, видя оцепенение товарища, и поспешно выбежал из зала.

Но даже когда шаги убежавшего стихли, странный евнух продолжал стоять истуканом, не мигая пялясь на Чжао Цзи. У императора от этого взгляда мурашки побежали по коже.

«Он что, постоянно так на меня смотрит? Плетется следом с самого начала заварушки и сверлит глазами?»

— Эй, ты, — Чжао Цзи ткнул в него пальцем.

На лице слуги отразился благоговейный восторг.

— Ступай, ополосни лицо холодной водой, а потом возвращайся.

Евнух мгновенно погрузился.

Чжао Цзи внутренне опешил. Не слишком ли много этот слуга себе позволяет? И вообще, откуда он взялся? Среди личных слуг императора такого точно не было. Подозрение крепло. Евнух поплелся к выходу, непрерывно оглядываясь со скорбной миной. Чжао Цзи почувствовал, как внутри закипает раздражение от этой нелепой картины. Не выдержав, он шагнул вперед и отвесил наглецу весомый пинок под зад.

Тот покатился по полу, кувыркнулся и лишь у порога сумел подняться на ноги.

— Проваливай! — прошипел Чжао Цзи. — И пока не придешь в себя, на глаза мне не показывайся!

Получив пинок, странный слуга наконец-то пришел в движение. Сгорая от стыда, он втянул голову в плечи и выскочил за дверь.

Ван Шэнь, мимо которого пулей пронесся изгнанный слуга, краем глаза успел заметить нечто странное. На губах евнуха играла довольная ухмылка. Мало того — он еще и похотливо облизал губы!

Даже выдавший виды Ван Шэнь опешил от подобной дерзости. Он резко обернулся, желая убедиться, что ему не померещилось, но парень уже скрылся из виду.

«Наверное, показалось...» — растерянно подумал Ван Шэнь и вернулся к своим обязанностям.

Тем временем лже-евнух беспрепятственно покинул Зал Гражданской Добродетели. Он не сбавлял шагу, пока не углубился в пустынный, заросший травой закоулок у дальней монастырской стены.

— Хе-хе... Ха-ха-ха! — не выдержав, он залился тихим, восторженным смехом.

В следующий миг его кости сухо хрустнули. Тело, только что казавшееся щуплым и низкорослым, начало стремительно увеличиваться в размерах. Любой знаток цзянху сразу признал бы здесь редчайшее мастерство — технику сжатия костей.

Спустя пару вдохов перед стеной стоял совершенно другой человек. Широкие плечи, узкие бедра; евнушеский халат натянулся на крепкой груди, подчеркивая стройную фигуру и длинные ноги. Он провел ладонью по лицу, тонкими пальцами подцепил незаметный край у уха и аккуратно снял тончайшую кожаную маску.

Любой случайный прохожий застыл бы в изумлении от такой красоты. Мужчина был невероятно хорош собой: хищный разлет бровей, раскосые глаза с приподнятыми уголками и шальная, дерзкая усмешка на чувственных губах.

Если красота Ли Сюньхуаня дышала благородством и свободой, а облик Чжао Цзи сочетал в себе царственное величие с утонченной изящностью, то этот незнакомец притягивал к себе порочной, опасной притягательностью ядовитой змеи.

Из тени бесшумно соткался гвардеец. Оглядевшись по сторонам, он опустил на одно колено:

— Девятый господин. Тех людей из стражи уже не спасти. Прикажете убрать их, пока они не заговорили?

— Не нужно, — лениво отозвался Гун Цзю. — Раз уж ему так хочется поиграть в судейство, пусть развлекается.

Гвардеец не решился спросить, кого именно хозяин назвал этим загадочным «им». Да Гун Цзю и не собирался ничего объяснять.

— Но как быть с людьми с Горы Белого Верблюда?..

— Плевать на них, пускай дохнут, — отмахнулся Гун Цзю. — Их дела нас вообще не касаются. С моим поручением закончил?

— Всё исполнено, господин.

— Свободен. Я задержусь во дворце еще ненадолго. Да, чуть не забыл: передай остальным, чтобы никто даже пальцем не смел тронуть нашего маленького императора.

— Слушаюсь, — глухо отозвался слуга. Возражать Девятому господину было равносильно самоубийству. Его приказы надлежало выполнять беспрекословно.

Чжао Цзи даже не подозревал, что успел привлечь внимание столь опасного безумца. Сейчас все его помыслы были заняты следствием. Он превратился в хладнокровное орудие правосудия, готовое без тени жалости допросить собственного двоюродного брата.

— Ваше Величество! Клянусь, я ничего не знал! — Чжао Цянь рыдал навзрыд, размазывая по лицу слезы и сопли. Зрелище было жалкое и довольно отвратительное.

Рядом с ним стоял на коленях бледный Хань Чжунянь.

— Каждое мое слово сегодня — чистая правда! — горячо уверял он, явно готовый в случае недоверия размозжить себе голову о ближайшую колонну, лишь бы доказать преданность престолу.

Оказалось, посланный слуга даже не успел дойти до Секретариата — он столкнулся с кающимися сановниками прямо у ворот. И вот теперь Хань Чжунянь и Чжао Цянь уже стояли на коленях в Зале Гражданской Добродетели.

В зале становилось все теснее. Чем дальше продвигалось расследование, тем больше прибывало народу. Несчастливым каменным плитам пола сегодня досталось с лихвой: они приняли на себя потоки пота, слез, соплей, а у кого-то от страха и вовсе сдали нервы. Из-за отсутствия сквозняка в величественном зале воцарился весьма специфический, удушливый запах.

Мужественно игнорируя это амбре, Чжао Цзи ледяным тоном спросил:

— Где материалы дела?

В эту эпоху не существовало ни детекторов лжи, ни тестов ДНК, ни судебной экспертизы. Император не собирался полагаться на интуицию: люди коварны, они умеют превосходно разыгрывать спектакли. Бездушные свитки заслуживали куда больше доверия.

Были ли Хань Чжунянь, Чжао Цянь и Хэ Цивэй в сговоре? Неужели они разыграли эту комедию с сумасшествием и глупостью, чтобы скрыть следы преступления? Или же их подставили, и за этим скрывается третья сила?

Прежде чем выносить приговор, требовалось найти неопровержимые улики.

Чжао Цянь дрожащими руками извлек из широкого рукава свиток и протянул его слуге. Его сердце бешено колотилось. На документе действительно стояла его подпись, и если император решит судить только по ней, оправдаться не удастся.

Изначально Чжао Цзи просто хотел ознакомиться с бумагами, не надеясь на чудо. Однако стоило ему развернуть свиток, как перед глазами замелькали зацепки.

Да ладно... Неужели всё настолько очевидно?

Император почувствовал прилив небывалой уверенности. «В том, что я так и не прошел ту игру про адвокатов, виноваты исключительно разработчики! Мой детективный талант тут точно ни при чем!»

<http://bllate.org/book/18987/1915973>